Центр украинистики и белорусистики МГУ

Х 25 / 1056

МЕЖДУ МОСКВОЙ, ВАРШАВОЙ И КИЕВОМ

к 50-летию проф. М.В. Дмитриева

Научное издание

Москва
2008

[47] *Łożiński W.* Prawem i lewem. Obyczaje na Czerwonwj Rusi w I poł. XVII w. T. 1. Lwów, 1903. S. 267–270.

[48] *Zajączkowski A.* Glówne elementy kultury szlacheckiej w Polsce. Wrocław, 1961; *Bystroń J.* Dzieje obyczajów w dawnej Polsce (XVI–XVIII w). T. 1–2. Warszawa, 1960; *Łożiński W.* Prawem i lewem. T. 1.; *Łożiński W.* Życie polskie w dawnich wiekach. Lwów, 1907.

[49] *Zajączkowski A.* Glówne elementy kultury szlacheckiej w Polsce, *Łożiński W.* Prawem i lewem. T. 1. S. 194–210.

[50] *Tazbir J.* Kultura szlachecka w Polsce. Warszawa, 1978.

[51] Obyczaje w Polsce. Od średniowecza do czasów wspólczesnych. Praca zbiorowa pod. Red. A.Chwalby. Warszawa, 2006. S. 149–157.

[52] *Kuchowicz Zb.* Wplyw odżywania na stan zdrowotny społeczeństwa polskiego w XVIII w. Łodź, 1966. S. 77–78.

[53] *Szymanderska H.* Polska Wielkanoc. Tradycje i przepisy. Warszawa, 2003. S. 12.

[54] *Боплан Г. де* Указ. соч. С. 355–357.

[55] Там же. С. 367–369.

[56] Там же. С. 363–371.

[57] Obyczaje w Polsce. S. 150.

[58] *Łożiński W.* Prawem i lewem. T. 1. S. 46–76.

[59] *Starowolski Sz.* Reformacja obyczaiow Polskich. S. 80.

[60] *Radziwiłł A.S.* Memoriarum rerum gestarum in Polonia 1632–1656. Oprac. A. Przyboś i R. Żelewski. Kraków, 1959.

[61] *Боплан Г. де.* Указ. соч. С. 369–370.

[62] *Maskiewicz B.K.* Dyjariusz B.K. Maskiewicza początek swój bierze od roku 1643 w lata po sobie następujące // Pamiętniki Maskiewiczów. Warszawa, 1961. S. 231.

[63] *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования…

[64] *Оссовская М.* Буржуазная мораль // Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987.

Борисенок Е.Ю.

СМЫСЛОВЫЕ И ОЦЕНОЧНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТЕРМИНА «УКРАИНИЗАЦИЯ»

В исследованиях по истории и культуре Украины XX столетия очень часто встречается термин «украинизация». Тем не менее, происхождение и смысловое содержание этого термина вплоть до самого последнего времени оставалась вне поля зрения исследователей. Лишь в 1999 г. вышла статья украинских историков Я.В. Верменича и Д.В. Бачинского, проливающая свет на историю этого термина[1]. Между тем смысловая нагрузка этого понятия достаточно широка и требует специального рассмотрения.

Авторство понятия «украинизация» принадлежит известному украинскому историку и политическому деятелю М.С. Грушевскому: он впервые употребил его в 1907 г. в статье «Вопрос об украинских кафедрах и нужды украинской науки», опубликованной в томе № I-III «*Літературно-наукового вісника*» (позже эта статья вошла в сборник «Освобождение России и украинский вопрос»). Грушевский писал о «введении украинских дисциплин, украинизации высшей школы на Украине», имея в виду перевод части учебных заведений на украинский язык обучения[2].

Термин «украинизация» далеко не сразу стал общеупотребительным. Например, в статьях об украинском языке и школе, публиковавшихся в 1909-1910 гг. Грушевским в газете «Село» и собранных потом в отдельную брошюру[3], термин «украинизация» не употреблялся. Рассуждая о необходимости учить «украинских детей на украинском языке»[4], Грушевский использовал словосочетания «украинский язык», «родной язык» и т.п. («школа на Украине должна быть украинской»; «наука в народной школе может идти хорошо только на родном языке, который ученики хорошо знают, как свой»; «на Украине необходимо обучать в школах на украинском языке»; «мы в России добиваемся народной украинской школы, чтобы в ней украинских детей учили на украинском языке» и т.п.[5]).

Термин «украинизация» был образован по аналогии с терминами «германизация», «полонизация», «русификация» в соответствии с нормами словообразования в русском языке. Однако понятия «германизация», «полонизация» и т.п. носили оттенок принуждения, навязывания чужих, инонациональных эталонов. Вряд ли Грушевский с самого начала вкладывал такой оттенок во введенный им в обо-

рот термин. Однако, как полагают Я.В. Верменич и Д.В. Бачинский, «украинизация» первоначально стала употребляться противниками Грушевского именно с негативным оттенком[6].

В данной связи определенный интерес представляет употребление термина С. Щеголевым в работе «Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма»,[7] один из разделов которой озаглавлен «Украинизация школы»[8]. Основное внимание Щеголев уделяет «львовскому гастролеру» Грушевскому и его сторонникам, подчеркивая значение пункта об украинизации школы в программе «партизан украиномании»[9]. В интерпретации Щеголева требование введения обучения на украинском языке оценивается крайне негативно и названы «украинизаторскими подкопами под южнорусское народное строительство»[10]: «программа украинизации южнорусской школы», по мнению оппонента Грушевского, заботилась «не о качественном улучшении этой школы», а о том, чтобы «с помощью школы бороться против современной русской культуры»[11]. Кроме того, Щеголев постоянно напоминает «об убожестве этого (украинского – Е.Б.) языка с культурной точки зрения» и о его «резкой лексической западно-славянской (польской) закваске, низводящей наш родной Днепр на степень захудалого притока коварной Вислы»[12].

В работе Щеголева термин «украинизация» употребляется не только по отношению к учебным заведениям. Автор предложил всю «работу украинской партии называть, ради краткости выражения, украинизацией»[13], обозначая деятельность указанной партии «по воспитанию населения в украинском национальном духе» как «украинизацию южнорусского населения».[14]

В 1910-х годах употребление термина «украинизация» становится все более активным. Особенно широкое распространение он получил в период революции и гражданской войны на Украине. В протоколах заседаний комитета Центральной рады и ее сессий этот термин употребляется постоянно и регулярно. Говорилось об украинизации школ на Украине, об украинизации армии, киевского гарнизона, различных учреждений и даже об украинизованных земствах.[15] При этом слово «украинизация» употреблялось без кавычек и без какой-либо расшифровки: оно устойчиво вошло в общественно-политическую лексику и, видимо, уже не требовало каких-либо уточнений и конкретизации. Под украинизацией теперь понимался не просто процесс перевода учебных заведений на украинский язык, а общее направление национального строительства.

Очень точно существо украинизаторской деятельности Центральной рады выразил заместитель ее председателя В.К. Винниченко: «Мы, украинцы, хотели жить и проявлять себя во всех сферах и об-

ластях жизни. Мы полагали, что все общественные, политические и социальные учреждения должны быть для народа, а не народ для них. На Украине – народ украинский, Поэтому для него, как украинского народа должны быть все учреждения: правительство, администрация, школа, суд. А также и армия».[16]

Позже термин «украинизация» вошел и в большевистский лексикон, хотя и не сразу. Первоначально для обозначения происходящих на Украине общественно-политических процессов использовались другие наименования, поскольку украинизация ассоциировалась с политикой украинских буржуазных правительств. Обычно в официальной печати говорилось о «национальной украинской социалистической государственности» и «превращении украинского языка в орудие коммунистического просвещения народных масс». Термину же «украинизация» придавался негативный оттенок. Например, в постановлении Пленума ЦК КП(б)У от 6 февраля 1922 г., утвержденном и дополненном Пленумом от 17 октября того же года, упоминалась необходимость «решительной борьбы против всякой искусственной украинизации и русификации».[17]

После XII съезда РКП(б) в апреле 1923 г., на котором было принято известное постановление о необходимости «укоренения» партийного и государственного аппарата в национальных республиках (этот политический курс стал именоваться «коренизацией»), была сделана попытка найти новый термин для обозначения политики партии по национальному вопросу. Сталин употреблял другое понятие – «национализация государственных и партийных органов». Например, в своей речи на XII съезде Сталин говорил о необходимости принять все меры для того, чтобы «не только школы, но и все учреждения, все органы как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс»[18]. На IV совещании ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей в июне 1923 г. Сталин также употреблял это понятие, рассуждая о «национализации государственных и партийных органов»[19].

Наряду с «национализацией» встречался и другой термин – «националы», иногда – «национальные коммунисты». При этом оба использовались как центральным руководством, так и самими представителями республиканской партийной власти. Например, на том же IV совещании ЦК РКП(б) один из видных украинских партийных деятелей Г.Ф. Гринько говорил о «старом партийном ядре» и «национальных коммунистах», или «националах». В данном случае под «национальными коммунистами» имелись в виду молодые члены РКП(б), выдвинутые на руководящие должности и принадлежащие к статусной нации той или иной республики[20]. Последние иногда назы-

вались «туземными коммунистами», как это сделал Сталин в своем докладе по национальному вопросу на X съезде РКП(б) в марте 1921 г.: «…Положение нерусских национальностей, переживавших национальный гнет, тоже не осталось без влияния на коммунистов-туземцев, не умеющих иногда отличить классовые интересы трудовых масс своего народа от так называемых «общенародных» интересов. Я говорю о том уклоне в сторону местного туземного национализма, который наблюдается иногда в рядах туземных коммунистов и которых выражается на Востоке в панисламизме, пантюркизме».[21]

Однако термин «национализация» в отношении государственного и партийного строительства не прижился, поскольку прочно ассоциировалась с передачей в собственность государства различных экономических объектов. Словосочетание «национальные коммунисты» употреблялось тоже не так долго. Оно исчезает с началом активной борьбы с «национальными уклонами», когда в официальных выступления стали изобличать «националистов».

Термин же, придуманный М.С. Грушевским, оказался очень живучим, и вытеснить его не удалось ни в 1920-е годы, ни позднее. В официальной лексике украинизация стала обозначать региональную форму политики коренизации. В Украинской ССР, в соответствии с основными направлениями коренизации, предусматривалось не только внедрение украинского языка в делопроизводство, введение украинского языка в школах и в печати, но и широкое использование украинских кадров в государственных и партийных учреждениях, а также развитие украинской промышленности. Эти меры должны были способствовать созданию «национальной по форме, социалистической по содержанию» культуры, изменить соотношение между коренным населением республики и его общественно-культурными институтами, сформировать украинскую советскую интеллигенцию, изменить национальный облика рабочего класса и городского населения Украины.

В республиканских партийных и советских документах само слово «коренизация» употреблялось не всегда и часто заменялось «украинизацией», ибо последнее передавало все смысловые оттенки первого. Постепенно по аналогии были образованы и другие термины для обозначения коренизационной политики в национальных республиках – «белорусизация», «татаризация» и т.п. Более того, подобное словообразование велось не только «сверху», но и «снизу». Справка ГПУ Украины об отношении населения Кубани и Дона к украинизации содержит пример такой инициативы: на Кубани в рядах местной интеллигенции поддержку встречала идея «кубанизации» (т.е. придание официального статуса «своему кубанскому языку» в противовес «чужому украинскому»).[22]

В официальных документах украинизация трактовалась как инструмент проведения национальной политики партии. Говорилось как об украинизации отдельных областей государственного и партийного строительства («украинизация государственного аппарата», «украинизация прессы», «украинизация по линии просвещения», «порядок проведения украинизации по профсоюзам» и т.п.), так и о политике украинизации в целом. Последняя обычно трактовалась «как предпосылка, как необходимый способ социалистического строительства, как орудие социалистического строительства в руках украинских трудящихся масс»[23].

Характерный пример употребления термина представляют выступления Л.М. Кагановича, возглавившего КП(б)У в период расцвета украинизаторских усилий большевиков (1925-1928 гг.). Он не просто связывал украинизацию и национальную политику партии, но ставил между ними знак равенства. Например, в одном из своих выступлений он говорил о «проведении национальной политики партии, т.е. украинизации»[24].

Каганович выступал резко против изменения принятой терминологии и замены понятия «украинизация» каким-либо иным словом. В частности, такого мнения придерживался нарком просвещения УССР А.Я. Шумский, полагавший, что более точно сущность происходивших в украинском обществе процессов передавал термин «дерусификация». Каганович писал, что «дерусификация означает забыть русский язык, перестать быть русским, перестать читать и заниматься русской культурой»,[25] т.е. недопустимые в советской Украине процессы.[26] Позиция главы украинских коммунистов в деле «национального строительства» была весьма осторожной. Без сомнения, украинизационный курс преследовал вполне определенную цель – укрепление советской власти в республике. В конечном счете, это и определяло тактику центрального партийного руководства, а бесконечное лавирование между «великорусским шовинизмом» и «украинским национализмом» позволяло не только удалять «неугодных» и привлекать новые, взращенные украинизацией кадры, но и сохранять прочные позиции среди русскоязычных коммунистов Украины.

Как правило, большевистская украинизация противопоставлялась украинизационным усилиям Центральной рады, Гетманата и Директории. В этом случае термин «украинизация» (и производные от него) употреблялся с определением, носившим негативный оттенок. В справке о высшей школе, подготовленной Я. Ряппо в 1924 г., отмечается сложный характер становления украинской высшей школы: «то ее украинизировали по-гетмански. То по-петлюровски, то ее русифицировали по-царски, по-деникински…»[27] Данный документ свидетельствует о наличии

еще одной смысловой нагрузки термина «украинизация», в корне отличной от общепринятой большевистской. Ряппо говорит о «процессе национального и культурного самоопределения – украинизации»[28]. Такое определение встречается крайне редко, но оно представляет несомненный интерес для исследователя. Ряппо проводил параллель между украинизацией и национальным самоопределением Украины, чего избегали делать украинские большевики в официальных бумагах.

В 1920-е годы термин «украинизация» широко употреблялся не только в официальных документах, но и в публицистике, мемуарной литературе, письмах и т.п. Однако в массовом сознании украинизация ассоциировалась прежде всего с украинским языком. Так, в описании Киева конца 1920-х годов известного белорусского историка Н.Н. Улащика подчеркивалось именно расширение использования украинского языка в устной и письменной речи. «В Киеве украинизация была не сравнить сильнее. Везде слышался украинский язык…»[29]

Об особом значении языкового компонента в украинизации свидетельствуют и воспоминания украинского партийного деятеля И. Майстренко. Вспоминая о своей работе в Одессе, в газете «*Чорноморська комуна*», Майстренко упоминал о существовании в составе редакции особого языкового подразделения (так называемой «*мовной редакції*»)[30]. Последняя была наделена «диктаторскими» полномочиями и все то, что она «исправляла», было законом для всей редакции. Например, было исключено из употребления слово «завод» как русское и заменено на украинские «*цукроварня*», «*електровня*», «*металюргійня*» и т.п.[31]

Украинизация затрагивала интересы широких масс, поскольку и городские, и сельские жители практически ежедневно соприкасались с двумя основными проявлениями национальной политики большевиков: украиноязычной прессой и обучением в школах на украинском языке. Естественно, отношение к украинизации, успешность ее проведения существенно разнились в зависимости от национального и социального состава местного населения.[32] Усилия большевиков по строительству украинской школы, развитию украинской литературы и печати, введение делопроизводства на украинском языке не всегда воспринималось населением так, как этого бы хотелось «наверху». Особенно ярко свой протест выражали жители восточных областей Украины. В качестве примера можно привести письмо в редакцию «Крестьянской газеты» в 1927 г. жителей села Никольского Павловского района Сталинского округа УССР, где они жаловались на недостаточное количество русских газет и русских книг, тогда как украинские «никто не берет»: «…На русском понятном языке нет,

а на украинском есть, никто не хочет читать, а если кто возьмется, то ничего не поймет без переводчика»[33]. Крестьяне заканчивали свое письмо просьбой «отменить постановление … об украинизации».[34]

Вышеприведенный пример свидетельствует о различном понимании украинизации партийными лидерами и основной массой населения. В официальных документах украинизация связывалась с таким понятием, как «национальная политика» и являлась составной частью процесса строительства социализма. В народном же сознании украинизация обычно связывалась с украинским языком.

Возможно, именно эта связь с языковым вопросом стало одной из причин безуспешных попыток заменить «украинизацию» другим термином. Любопытно, что такие попытки продолжаются и в настоящее время. Современный украинский историк Я.Р. Дашкевич в 1990 г. пытался ввести в научный оборот термин «национальная реформа» вместо «политики коренизации»[35]. Другой исследователь, В.М.Даниленко, также считает термин «украинизация» неудачным и исторически неоправданным, поскольку не отражает те процессы, которые происходили в сфере общественной и культурной жизни Украины как в период Центральной Рады, Гетманата, Директории, так и в период большевистского правления. Вслед за Шумским Даниленко полагает, что происходившие в те годы на Украине процессы с полной уверенностью следовало называть «дерусификацией»[36]. Однако термин настолько прочно вошел в современную лексику, что вряд ли кому в обозримой перспективе удастся вытеснить его или заменить другим словом или словосочетанием.

Примечания

1 *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* «Українізація»: походження і зміст поняття // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. Збітатей. Вип. 3. Київ, 1999. С. 140-155.

2 *Грушевский М.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 178.

3 *Грушевский М.С.* Про українську мову і українську школу. Київ, 1917.

4 Там же. С. 25.

5 Там же. С. 9, 10, 25.

6 *Верменич Я.В., Бачинський Д.В.* Указ. соч. С. 144.

7 Книга вышла в Киеве в 1912 г. По этому обширному труду была составлена брошюра «Современное украинство. Его происхождение, рост и задачи». (Киев, 1913).

8 *Щеголев С.* Украинское движение как современный этап южнорусского сепаратизма». Киев, 1912. С. 349.

9 Там же.

10 Там же. С. 398.

11 Там же. С. 360.

12 Там же. С. 368.

13 Там же. С. 73.

[14] Там же. С. 333-334, 272.

[15] Українська Центральна Рада. Документи і матеріали. Т. 1. Київ. 1996. Сс. 70, 75, 78, 79, 85, 132, 134, 148.

[16] *Винниченко В.* Відродження нації. Ч. 1. Київ; Відень, 1920. С. 125-126.

[17] Національні процеси в Україні. Історія і сучасність. Документи і матеріали. Ч. 2. Київ, 1997. С. 13.

[18] XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 492.

[19] Тайны национальной политики ЦК РКП(б). Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9-12 июня 1923 г. Стенографический отчет. М., 1992. С. 102.

[20] Там же. С. 259. См. также РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 165. Ед. хр. 4. Л. 124.

[21] X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 185.

[22] Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 81. Оп. 3. Д. 127. Л. 201.

[23] Національні процеси в Україні…С. 76.

[24] РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 107. Л. 56.

[25] Там же. Л. 167.

[26] В пылу полемики на одном из закрытых заседаний политбюро ЦК КП(б)У Шумский употребил наименование «малороссы» в отношении некоторых украинцев, которые в интересах карьеры предавали интересы своей родной культуры. Характеристика малороса была крайне уничижительна: «беспринципно лицемерен», «рабски двоедушен», «предательски подхалимен», «бравирует своим безразличным отношением ко всему украинскому и готов всегда оплевать его…, если это дает возможность выслужиться и получить теплое местечко». – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 105. Л. 163.

[27] Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ). Ф. 4402. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

[28] Там же.

[29] *Матяш Г.* Київ 1920-х років очима Миколи Улащика // Київська старовина. 2002. № 2. С. 172.

[30] Майстренко И. Історія мого покоління. Спогади учасника революційних подій в Україні. Гл. XII. Едмонтон, 1985. С. 231-232.

[31] Там же.

[32] См. *Борисенок Е.Ю.* Советская украинизация в региональном измерении // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник 2003. М., 2003. С. 222-238; *Она же.* Феномен советской украинизации. М., 2006.

[33] Голос народа: Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М. 1998. С. 183.

[34] Там же.

[35] *Дашкевич Я.Р.* Українізація? Причини і наслідки // Слово і час. 1990. № 8. С. 56-57.

[36] *Даниленко В.М.* Згортання «українізації» й посилення русифікаторських тенденцій у суспільно-культурному житті радянської України в 30-і рр. // Україна XX ст.: культура, ідеологія, політика. Збірник статей. Київ. 1996. Вип. 2. С. 98.

Марчуков А.В.

КОГДА РЕАЛЬНОСТЬ СЛАБЕЕ ДОГМЫ: СУДЬБА «ТЕОРИИ БОРЬБЫ ДВУХ КУЛЬТУР» ДМИТРИЯ ЛЕБЕДЯ[1]

1920-е годы являются важным периодом в отечественной истории, в том числе в национально-государственном развитии нашей страны. В этот период на большей части территории бывшей Российской империи образуется новое государство – СССР. Одновременно закрепляется и статус республик, его составляющих, оформляются их институты, идет непростой процесс распределения суверенитетов и полномочий между союзным центром и республиканскими органами власти.

Как хорошо известно, специфика государственного устройства СССР и проводимой в 1920-е годы национальной политики проявилась спустя шесть десятилетий, сыграв едва ли не решающую роль в развале Советского Союза и появлении на его месте новых этнократических государств. И сила (в тактическом плане), и слабость СССР (в плане длительном, стратегическом) в большой степени заключалась в том, что составлявшие его республики создавались и существовали как национальные образования, как республики – государства определенных наций. И система эта была заложена как раз в 1920-е годы.

Осуществлявшаяся партией большевиков политика коренизации способствовала наполнению республиканских форм «национальным» содержанием. Одним из проявлений и следствий этой политики стало ускоренное формирование наций, объявленных в этих республиках титульными, а в ряде случаев – даже фактическое создание некоторых из них. Примером последнего являются БССР и особенно УССР, где при активной поддержке и даже целенаправленной политике коммунистической партии и руководимого ею государства быстрыми темпами велось строительство белорусской и украинской наций. Пример УССР в этом контексте наиболее показателен.

Именно в 1920-е годы деятельность украинского национального движения, целью которого являлось создание украинской нации и «Украины» как национально-государственного организма, и национальная политика большевиков имели много точек соприкосновения и общий вектор развития, известный под собирательным названием «украинизации». Изучение украинизации (обеих ее составляющих) ведется весьма активно, но во многом однобоко. Она априори оценивается положительно. В советские годы это делалось с позиций

Содержание